

МИР ФРАЗЕОЛОГИИ: ПОПЫТКА ПЕРЕСМОТРА НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ПОНЯТИЙ

© 2005 Е.В. Бизунова

Фразеологические сочетания чаще всего описывают не абстрактные понятия, а вполне локально определенные культурные конструкции – идеологически построенные и коллективно присвоенные представления о “невидимых вещах”, идеях и ценностях времени и культуры. Идеологическая компонента в составе такого рода значения практически не описана, не теоретизирована и не представлена в лексикографической практике.

Эта идеологическая компонента всегда имеет свою историю, и ее следует эксплицировать. История фразеологии (вернее, ее археология, поскольку в этом плане сочетаемость оказывается, по выражению В.В. Виноградова, “культурно-исторической вещью”), с одной стороны, связывает нас с историей идей, но в еще большей степени – с историей моды, стилей жизни, повседневных практик, а также с историей эстетических суждений вообще. То, как политические устремления времени и его эстетические поиски иногда пересекаются в истории самого банального фразеологизма, поражает воображение исследователя. Это чрезвычайно важно для понимания идентичности. Идентичность – это прежде всего поэтический продукт, форма коллективного воображения, и лишь в силу этого – идеологическая конструкция.

Фразеологическое сочетание можно рассматривать как след ушедшей или “спрятанной” свои корни в коллективное бессознательное культурной практики. Выявить этот след и связать с родственными следами – значит описать синхронное состояние фразеологии. Родственные следы часто обнаруживаются в неречевых практиках, что вызывает необходимость привлечения к описанию фразеологии как можно более обширного материала и методов анализа культуры [2, 33-46].

Для определения способов выражения культурно-национальной, культурно-исторической специфики во фразеологии важно исследовать динамику общезыковых фразеологических систем, характер ее проявления в узусах разных типов, в идиостилиях, в идиолектах.

В соотношении инвариантной структуры фразеологических единиц (ФЕ) и ее видоизменений в разнообразных дискурсах находит отражение взаимодействие постоянной и переменной составляющих языковой картины мира как личности, так и социума в пределах исторической эпохи.

Рассмотрим особенности функционирования ФЕ с культурно маркированной семантикой и формирования культурно маркированных употреблений идиоматических выражений в системе русской речи по материалам словаря “Фразеологизмы в русской речи”, фиксирующего идиомы и пословицы в речевой динамике, в системе употреблений.

Употребление ФЕ часто сопровождается актуализацией определенных культурно маркированных семантических компонентов посредством включения в их состав слов, эксплицирующих и уточняющих эти компоненты.

ФЕ *на авось* осознается носителями русского языка как выражающая некоторые особенности национального менталитета. Интуитивное восприятие национальной специфики концептуального содержания этой ФЕ отчетливо передают вводимые в ее состав метаязыковые уточнители: “*понадеялся на русский авось*” (А.С. Пушкин), “*положившись на русское авось*” (К. Шахназаров).

Метаязыковые комментарии могут выражать индивидуальное отношение к определенным оценочным стереотипам. Рассмотрим, например, авторскую оценку оборота *беситься с жиру* в следующем употреблении: “*О, какое мерзкое выражение!... Им так удобно одергивать всякое желание, стремление, мечту. Гасить любую неудовлетворенность, недовольство, порыв – с жиру бесишься – и баста!*” (Ю. Нагибин, Берендеев лес). Здесь представлено употребление ФЕ, в котором неудовлетворенность существующим, благородные стремления расцениваются как проявление сумасбродства, привередливости. Контекст, и прежде всего слова *мерзкое выражение*, передает авторское резко отрицательное отношение к

смысловому содержанию ФЕ *с жиру беситься* в этом употреблении.

Отталкиваясь от оценочных стереотипов, метаязыковые комментарии могут выражать авторское отношение как к актуальному значению, так и к внутренней форме, образной основе ФЕ. Пример: “Газеты сообщают, что вы дебютируете 6-го, в субботу, верно ли это? В этот вечер в Париже кто-то будет ... он будет не в своей обычной тарелке. Какое странное выражение быть в своей тарелке, будто кушанье! А кто нас ест? боги? а если кому-нибудь говорят, что он встревожен, что он не в своей тарелке, эта тревога происходит, может быть, от возможности быть пожранным не своим, а другим богом” (И. Тургенев, письмо П. Виардо). Здесь ярко выражена авторская этимологизация. Словами “какое странное выражение” фразеологизм *быть не в своей/в своей тарелке* оценивается с точки зрения его образной основы. Индивидуальное буквализированное осмысление фразеологического образа представлено в этом контексте как “истинное”, этимологическое значение оборота.

Узуальная социологизированная оценка ФЕ в контексте часто подвергается переосмыслению как посредством этимологизирования и метаязыковых комментариев, так и путем включения в ФЕ эмотивно-оценочных слов. См., например, замену положительной оценки ФЕ *звездный час* и *находить общий язык* отрицательной, иронической в употреблении “звездный час плагиатора” (О. Сампаридзе); “Найти общий язык ...: невозможную смесь бульвара с канцелярией”.

Для целого ряда ФЕ, инвариантное значение которых не имеет социо-логизированного эмотивно-оценочного содержания, характерно трансформированное употребление с расширением компонентного состава словами, создающими морально-этическую, идеологическую оценку. При подобном употреблении ФЕ языка выступают в роли структурных каркасов, фразеосхем, на базе которых формируется идеологически заостренное содержание: “исполнять жестокую, печальную, нечеловеческую роль”; “исполнять роль палача народов” (Л. Толстой об исторической миссии Наполеона); “Одни трагические роли играть на сцене бытия” (Н.А. Некрасов).

Включенные в смысловую структуру трансформированных употреблений ФЕ культурные компоненты могут быть подразделены на:

1) культурные компоненты денотативно-сигнификативного содержания, не соотнося-

щиеся с образной основой ФЕ, эксплицируемые включаемыми в состав ФЕ словами в прямых значениях: *завести в исторический тупик, накалить общественную атмосферу, кружение в белом колесе землевладельческих забот;*

2) культурные компоненты денотативно-сигнификативного содержания, опосредованно эксплицируемые образной основой ФЕ путем ее метафорического развертывания: *айсберги холодной войны в мировом океане, трещины во льдах холодной войны, архигорячие и архихолодные войны;*

3) культурные компоненты, функционирующие как на уровне фразеологического значения, так и образной основы, внутренней формы. К последнему разряду принадлежат ФЕ, внутренняя форма которых наряду с конкретным образом включает такое культурно значимое его осмысление, которое, абстрагируясь от образной наглядности, целиком включается во фразеологическое значение.

Например, во внутренней форме ФЕ *изобретать велосипед* заложена семантика ‘изобретать заново нечто давно уже открытое’. Это смысловое содержание целиком входит во фразеологическое значение. Наряду с этим в разных употреблениях актуализируется обозначение конкретного артефакта как нового, необычного, лишь внешне напоминающего давно известное – “обычный велосипед”. Пример: “Велосипед изобрести. Потом руками развести. Сказать: “Простите, я не знал, Что есть уже оригинал”. Сесть. Разогнаться. И – взлететь! И любоваться с высоты на их разинутые рты...” (А. Шлыгин. Дерзость). Иными словами, в этот фразеологизм “вмонтирована” потенциальная энантиосемия. Буквализированное смысловое содержание ФЕ *изобрести велосипед* в этом употреблении ‘совершить действительное открытие: изобрести летающий велосипед’ антонимично его фразеологическому значению.

Многие дискурсы, относящиеся в основном к художественному и публицистическому стилям, служат источниками окказиональных ФЕ и слов-дериватов языковых идиом. Слово- и фразеотворчество в тексте является процессом индивидуальной семантизации знаний о мире. В семантике возникающих в тексте окказиональных слов и фразеологизмов находит выражение концептуализация явлений действительности, связанная с их оценкой с определенных мировоззренческих позиций. Наиболее продуктивна в этом плане номинализация. Окказиональные дериваты ФЕ – имена-словосочетания и слова – служат:

1) характеристиками внутренних, личностных свойств человека: *Христос с камнем, за пазухой; овца, натягивающая на себя шкуру волка; беловоронья деталь (о чертах характера); калачество тертое; семь-раз-отмериватель* и т. п.;

2) характеристиками положения в обществе, поведения, деятельности: *новая метла, паршивая овца в стаде, человек в своей тарелке, велосипедоизобретательство.*

Наиболее продуктивны в этой группе отглагольные образования: *восхождение из грязи в князи, шитьё тришкиного кафтана, многописание из пустого в порожнее, ломка вселенских дров, перегиб палки* и др. Особо может быть выделена продуктивная модель окказиональных фразеологических дериватов имен с опорными существительными *метод, принцип, тактика, позиция*, характеризующими способ действия, деятельности, линию поведения: *метод высасывания из пальца, по методу тришкиного кафтана, принцип тришкина кафтана, тактика смешивания зерен и плевел, позиция “Моя хата с краю”, резиново-потолочный метод* (ср.: *брать с потолка*). Рассмотренные индивидуально-авторские субстантивы в тексте приобретают статус обобщающих символических наименований.

Базой культурно значимых фразеологических окказионализмов служат также культурно маркированные слова-символы и словосочетания-символы. Например, идеологически актуализировано в составе фразеологических окказионализмов употребление символов добра и зла, передаваемых чаще всего антонимами *белое – черное, свет – тьма, день – ночь; называть белое черным, а черное белым; красить события лишь в белое и черное; бросить резкий свет; злоба ночи и злоба дня* (“Свобода и напор этой вещи, написанной двадцатилетним Вознесенским, были наэлектризованы, намагничены током страстей, ... острым чутьем настроений своего поколения, злобы ночи и злобы дня” (Ю. Мориц); “текущая политика, черная злоба дня” (Л. Мартынов).

Несомненной культурно-национальной значимостью обладают индивидуально-авторские афоризмы, образованные на базе пословиц и ФЕ языка, фиксирующих прескрипции народной мудрости. Они, как и многие окказиональные ФЕ, отражают своеобразие индивидуально-творческого мировосприятия, основывающегося на образно-концептуальном содержании фольклорных формул, символов. Примеры: “*Всем дается бочка меда. Бочка дегтя, свет и тьма;*

Каждый - сам себе свобода, Каждый - сам себе тюрьма” (В. Шефнер); “*Когда поспешно сорваны цветочки, Обильных ягод к осени не ждут*” (Л. Агеев) – ср.: *Это еще цветочки, а ягодки впереди* [7, 24-29].

Тексты, включенные в словарные статьи Словаря “Фразеологизмы в русской речи” в качестве иллюстрации функционирования ФЕ, широко эксплицируют закономерные для идиом многообразные текстовые семантические поля. Входящие в их состав ФЕ реализуют внутритекстовые ассоциативно-семантические связи с различными элементами текста (парадигматические, синтагматические, деривационные). Это убедительно иллюстрирует положение о том, что идиомы хранятся в языковом сознании в виде ассоциативно-семантических сетей. Воспроизведение в речи фрагментов таких полей выявляет их национально-языковую специфику: сочетания образов-концептов, представляемые текстовыми конфигурациями ФЕ, идиоматичны, уникальны для данного языка, специфичны для идиостиля. Приведем пример лексико-фразеологического микрополя в стихотворении Б. Слуцкого “Не за себя прошу”: “*За себя я никогда никого не просил. Но просить за других, унижаться, терпеть, даже Лазаря петь, Даже Лазаря петь и резину тянуть. Спину гнуть, Спину гнуть и руками слегка разводить, Лишь бы как-нибудь убедить, Убедить тех, кому всё равно, Это я научился давно*”.

Лексико-фразеологическая парадигма в этом случае манифестирует определенный поведенческий стереотип, выработанный условиями эмоционального существования, совмещающий бескорыстную целеустремленность и приспособленчество – “лишь бы как-нибудь убедить тех, кому всё равно”.

Иллюстративная часть многих словарных статей Словаря в совокупности с историко-этимологическим комментарием представляет собой своеобразный интертекст, отражающий преемственность в использовании стилистических приемов окказионального преобразования ФЕ, в интуитивном привлечении аналогичных фразеологических образов, обусловленном идейно-тематической общностью произведений, воздействием идиостиля писателя на формирование стилистических систем других авторов и литературных направлений. Разностороннее сопоставление однотипных употреблений идиом помогает устанавливать прототипические употребления, дает возможность проследить эволюцию ряда фразеологических образов-концептов. Например, в словарной статье *святая святых* представлено употребление этой ФЕ и ее транс-

формов в применении к художественному творчеству, к сокровенным помыслам преимущественно в художественном и художественно-публицистическом стилях: в произведениях А.П. Чехова и И.Н. Потапенко, принадлежавшего к литературному окружению Чехова; в рассказе И.А. Бунина “В ночном море” и в очерке А. Горелова, при анализе этого рассказа, а также в произведении В. Катаева “Алмазный мой венец” при обращении к творчеству Бунина.

Систематизация употреблений ФЕ в Словаре “Фразеологизмы в русской речи” может служить полем для психолингвистического экспериментирования, выявляющего “механизмы” ассоциативно-образного мышления. Этот способ ментального освоения действительности отражается в узуальных и окказиональных употреблениях идиом, в их конфигурациях, фиксация которых необходима для воссоздания языковых моделей мира в динамике.

Исследование систем употреблений ФЕ в художественных идиостилиях, в публицистике, разговорной речи служит базой для установления регулярных моделей их структурно-семантического преобразования. Представляется, что сопоставление фразеологических систем разных языков по характеру трансформируемости в речи будет способствовать установлению фразеологических универсалий, определяющих динамику фразеологических систем, и в то же время позволит выявить национально-языковое своеобразие идиоматики в этом плане.

Несмотря на тот факт, что язык является главным инструментом для фиксации человеческого сознания в целом и культурного сознания в частности, слово, как правило, выражает свой смысл неэксплицитно. Более того, Л. Витгенштейн в “Логико-фило-софском трактате” подчеркивает, что “язык скрывает мысль”. М. Мамардашвили отмечает, что слово, “наклеенное на вещь, как будто сразу эту вещь от нас закрывает”.

Вместе с тем, по-видимому, существуют различные степени сокрытия смыслов в качественно неоднородных группах культурных концептов, иначе говоря, различная степень отрефлексированности культурных таксонов, эксплицитировать которую помогает межкультурная коммуникация.

Наиболее отчетливо отрефлексированы в сознании носителей языка базовые метафоры и устойчивые сравнения, в основе которых лежат как эмпирические, так и мифологические реалии. По всей вероятности, именно предметная привязка обеспечивает полное погружение членов

данного коллектива в глобальный всеохватывающий эфир собственной культуры. По М. Мамардашвили, “между предметом, волнующим меня в мире, и мною (в нашем конкретном случае – между предметом и народом – Н. С.) лежит громадная область проработки”. Примитивный, “утробный”, по выражению известного психолога П.В. Симонова, смех, указывающий на неприятие чужой культуры возникает в тех случаях, если предметные источники метафор и сравнений “проработаны” в двух культурах с диаметрально противоположных оценочных позиций: при тщательной “проработке” в одной из культур исключительно под знаком положительной оценочной модальности те же самые объекты в другой культуре остаются незамеченными или скорее оцениваются отрицательно.

На этом этапе тропеического процесса появляются такие словосочетания, как *родная природа, родная литература, родная словесность, родной язык, родная речь, родное слово и родная история*, являющаяся не только обыденными, но зачастую названиями учебных курсов (“Родная речь”, например, – так называется серия учебников для начальной школы) или официальными терминами (*курс родной истории*, но не, например, *курс родной географии*; *юные пионеры любят и охраняют родную природу...*), иными словами, можно охарактеризовать их как идеологические конструкции в собственном смысле слова. Что произошло в данном случае с семантикой? Мы наблюдаем метафорический перенос: атрибут любимого/родного дома, любимого/родного существа оказался перенесенным на дискурсивное образование – дискурс литературы (слова, словесности, речи) и истории по преимуществу (интересно, что в кругу “родных дискурсов” оказалась и природа, что подтверждает мысль о том, что природа на самом деле есть артефакт культуры – идеологический продукт).

Пространственная экспансия “родного”, отмеченная нами выше, дополняется “экспансией вверх” – в область духовного. Отношение телесной близости (родства) и любви теперь, по закону метафоры, переносятся на мир текстов – не любых, разумеется, но идеологически правильно отобранных, отцензурованных и институционально представленных в виде официальных учебных курсов и программ, в виде языковой и литературной политики, в виде доктрины. “Родные дискурсы” получают благословение свыше как репрезентанты национального духа, классовой идеологии, общенационального самосознания и пр. Они искусственно возгоняются

до состояния национальных символов. Идентификация с литературой, историей и языком – т. е. принятие их именно в качестве *родной истории, родной литературы и родного языка* – это качественно новое состояние идентификации: в область “Своего” “записывается” идеологическая продукция власти и собственно система гегемонии.

Если учитывать идеологически сконструированный характер этого поля, то не удивительно наблюдавшаяся в советской восхвалительной риторике последующая экспансия государственной символики “родного”, куда постепенно включались и *родная Красная площадь*, и *родное правительство*, и *родной товарищ Сталин*, и *родная Коммунистическая партия*, и многое другое подобное.

Родной язык – иными словами, санкционированная к употреблению и подвергнутая идеологической цензуре фразеология родного языка – мощное средство для символизации принадлежности, важнейший поэтический и политический символ национального государства [9, 40-54].

А.А. Шахматов в своем “Синтаксисе русского языка” настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (фразеологии), но и для грамматики. “Под разложением словосочетания”, – писал А.А. Шахматов, – “разумеется определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем, подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым...” [12, 819]. В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития, причем А.А. Шахматов указывал на тесное взаимодействие лексических и грамматических форм и значений в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний. А.А. Шахматов отмечал, что “сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно предложение: но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность...” [12, 819]. Например, в

словосочетании *почтовая бумага* оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа *почтовый ящик, почтовое отделение*, с одной стороны, и *писчая бумага, белая бумага* и т. п. – с другой. “Но часто такая раздельность нарушается, и наступает еще более тесное сближение обоих сочетавшихся слов” (ср. *ни синь пороха* вместо *ни синя пороха*) [12, 819]. Указав на то, что от речений типа *железная дорога, Красная Армия* образуются целостные прилагательные *железнодорожный, красноармейский*, где *железно-, красно-* оказываются неизменяемой частью сложных слов, А.А. Шахматов ставит вопрос о том, “можно ли считать *железная* в *железная дорога* определением. Не надлежит ли признать *железная дорога* и тому подобные сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?” [12, 819]. Таким образом, А.А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находятся и ее грамматические преобразования. Например, выражение *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. “...Но переход деепричастия в наречие... имеет следствием невозможность определить *рукава* в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения” [12, 819]. Следовательно, “исконные объективные отношения могли стереться и видоизмениться, не отражаясь на самом употреблении падежа” [12, 819]. Вместо живого значения остается немотивированное употребление.

Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении *от нечего делать*.

Вопрос о разных типах фразеологических единиц, сближающихся со словом, у А.А. Шахматова остается нерешенным, правда, тесная связь этих проблем фразеологии с вопросами грамматики отмечалась русскими грамматистами и до А.А. Шахматова.

Н.К. Кульман высказывался за необходимость разграничения “грамматического и фразеологического материала”, так как в устойчивых, застывших фразеологических оборотах способы выражения синтаксической связи нередко бывают архаичными, оторванными от живых категорий современного языка. Например, можно было бы найти формы сослагательного наклонения в выражениях: *Я сказал, чтобы ты*

пришел: Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; Приди мы, этого не случилось бы и т. п. Но “правильнее в таких случаях становиться на точку зрения чистой фразеологии и не переносить в грамматику данного языка тех категорий, которые связаны в других языках с известными формами, а в данном языке только выражаются теми или другими фразеологическими оборотами” [5, 57-62].

Необходимо пристальнее взглянуть в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову.

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они не мотивированы и произвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы напоминают какие-либо самостоятельные, отдельные слова, то это их соотношение – сугубо омонимическое.

Примером фразеологического сращения является разговорное выражение *собаку съел* (в чем-нибудь). *Он собаку съел на это* или *на этом, в этом*, т. е., занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где *собака* мужского рода, прибавляют: *сучкой закусил* (с комическим оттенком). А.А. Потебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только “тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел” [8, 81-90]. Этимология Потебни несколько не уясняет современного значения этой идиомы и очень похожа на так называемую “народную этимологию”. Неделимость выражения *съел собаку* (в чем-нибудь), его лексическая непроецируемость ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме “Кому на Руси жить хорошо” читаем:

*Заводские начальники
По всей Сибири славятся –
Собаку съели драть.*

В этом случае инфинитив *драть* выступает в роли объектною пояснения к целостной идиоме

собаку съели в значении ‘мастера (что-нибудь делать)’. Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с утратой смысловой делимости. Например, выражение *как ни в чем не бывало* в современном языке имеет значение наречия. Между тем еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы *бывал* с субъектом действия. Например, у Лермонтова в повести “Бэла”: “*За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху наскладена*”: У Д.Н. Бегичева в “Семействе Холмских”: “*Князь Фольгин, как будто ни в чем не бывал, также шутил*”.

Кажется само собою понятным, почему неделимы те фразеологические сращения, в состав которых входят лексические компоненты, не совпадающие с живыми словами русского языка (например: *во всю Ивановскую; вверх тормашиками; бить баклуши; точить лясы; точить баласы* и т. п.). Но одной ссылок на отсутствие подходящего слова в лексической системе современного русского языка недостаточно для признания идиоматической неделимости выражения. Вопрос решается факторами семантического порядка.

Чисто формальный, хотя бы и лексикологический подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости выражения. Например: *дело не терпит отлагательства; совесть зазрела; мазолить глаза; мертвецки пьян* и т. п.

Точно так же грамматический архаизм может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке; например: *положа руку на сердце; сидеть сложа руки; среди бела дня; на босу ногу* и т. п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. (*пуститься*) *во все тяжкие* и т. п.

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических

элементов. Оно – химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была не была; то и дело; хоть куда; трусу праздновать; диву даться; выжить из ума; чем свет; как пить дать* (ср. у Чехова в рассказе “Бабы”: “Дело было ясное, как пить дать”); *мало ли какой; из рук вон (плохо); так и быть; шутка сказать; себе на уме* (у Чехова в “Скучной истории”; “Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать как хочется, а стало быть, нет и творчества”).

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами слов, они образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы. Но полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения – лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных лексических и синтаксических единств [4, 63-68].

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить трудно. Например, в таких разговорно-фа-миллярных выражениях, как *держат камень за пазухой, выносить сор из избы*, (у кого-нибудь) *семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плавает, кровь с молоком, последняя спица в колеснице, плясать под чужую дудку, без ножа зарезать, язык чесать или языком чесать, из пальца высосать, первый блин комом* – или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как *плыть по течению, плыть против течения,*

всплыть на поверхность и т. п., – значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части это выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить, класть зубы на полку* – в значении ‘голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности’. Ср. у Тургенева в “Нови”: “Я еду на кондиции, – подхватил Нежданов, – **чтобы зубов не положить на полку**”. Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* и у Чехова – обнажение его образа: “Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются **уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало**” (“Человек в футляре”). Понимание производности, мотивированности значения такого фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием отношения значения целого к значениям составных частей.

Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы, тем более что фразеологические единства не всегда образуют застывшую массу неотделимых элементов. Иногда части фразеологического единства отделяются друг от друга вставкой иных слов.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно “разлито” в них и вместе с тем оно вырастает из их семантического слияния.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов, и в этом от-

ношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать со свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения: *вымыть голову, намылить голову* (кому-нибудь) в значении ‘сильно побранить, пожуричь, сделать строгий выговор’ – и омонимические словосочетания в их прямом значении: *вымыть голову, намылить голову*. Ср.: *биться из-за куска хлеба* и *биться* (с кем-нибудь) *из-за куска хлеба*; *бить ключом* (жизнь бьет ключом) и *бить ключом* (ударять по чему-нибудь); *взять за бока* (кого-нибудь) в значении ‘заставить принять участие в деле’ – и то же словосочетание в прямом значении; *брать в свои руки* в значении ‘приступить к руководству, управлению чем-нибудь’ и *брать в руки* (что-нибудь) и другие подобные.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме.

Например, шутливо-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение ***ноль внимания*** обычно употребляется в функции сказуемого. Ср. у Чехова в рассказе “Красавица”: “*Медик пьян как сапожник. На сцену – ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет*”.

Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения.

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *ему и горюшка мало!*; *плакали наши денежки!*; *держи карман или держи карман шире!*; *что ему делается?*; *чего изволите?*; *час от часу не легче!*; *хорошенького понемножку* (ирон.); *туда ему и дорога!* Ср.: *жирно будет!* (“Нет, жирно будет вас таким вином поить. Атанде-с!” – Островский, “Утро молодого человека”); *чем черт не шутит?*; *и пошел и пошел!*; *наша взяла!*; *ума не приложу!*; *над нами не каплет!*; *и дешево и сердито!* – (первоначально – о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в “Помпадурах”: «Над дверьми нахально красуется вывеска: “*И дешево и сердито*”».

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся термина-

ми, т. е. выступающие в функции названия. Прямое логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составными терминами – научным или техническим – и таким же номенклатурным ярлыком, например, названием какого-нибудь явления, предмета, – большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя по закону функциональной семантики на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения (ср.: *железная дорога; грудная жаба* и т. п.).

В фразеологических единствах грамматические отношения между компонентами легко различимы. Они могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям. Это естественно. Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства естественно предполагает и синтаксическую разложимость словосочетания. Таким образом, и в этом случае грамматические формы и отношения держатся устойчивее, чем лексико-семантические. Сохраняется, так сказать, морфология застывших синтаксических конструкций, но их функциональное значение резко изменяется. В той мере, в какой фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями.

Это положение получит особую ясность и выразительность, если применить его к тем группам фразеологических единств, которые представляют собою союзные или предложные речения.

Таковы, например, союзные речения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значениями времени, места или причины и указательного местоимения или из союза и указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: *до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того что, несмотря на то что, вместо того чтобы* и т. п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа действия, сравнения или сравнительной

степени: *подобно тому как, прежде чем, так что, так чтобы, даром что* и другие подобные. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: *едва только, лишь только, чуть лишь*. Ср.: *не то чтобы, добро бы, как будто бы* и т. п. Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств (ср. фразеологическое сращение *так как*).

Рядом с фразеологическими единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла: например, в выражениях разговорной речи *глаз не казать, носу не казать* потенциальный смысл глагола *казать*, не встречающегося в других контекстах, еще ощутим в структуре целого.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой, взглядом; обдать взглядом ласкающего сочувствия* и т. п. (при семантической недопустимости выражений: *обдать восхищением, обдать завистью* и т. п.).

В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничена в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении ‘овладевать, подвергать своему влиянию’ (в применении к чувствам, настроениям) не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и некоторые другие. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п. Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с

обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании [9, 40-54].

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп – их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить*. Оно выделяется из устойчивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза; потупить голову*. Оно утверждается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову*. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову*.

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение приводит к искажению всей смысловой структуры слова. Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Наиболее многообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера. Затем идут переходные глаголы, вслед за ними непереходные. Необходимо отметить, что в русском литературном языке со второй половины XVIII в. все более широко распространяются сочетания глаголов с отвлеченными именами существительными в качестве субъектов действия. Почти на одном уровне с глаголами находятся свободные связи имен прилагательных в основных номинативных значениях. В категории наречия только наречия качества и степени, отчасти времени и места, располагают более или менее широкими

возможностями словосочетания; остальные разряды наречий связаны фразеологически. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово *беспросыпный* употребляется лишь в сочетании со словом *пьянство*; также возможно словосочетание *беспросыпно пьянствовать*. Синоним этого слова *беспробудный*, нося отпечаток книжного стиля, имеет более широкие фразовые связи: *спать беспробудным сном, беспробудное пьянство*. В этих примерах прозрачность морфологического состава слов *беспросыпный* и *беспробудный*, связь их с многочисленными морфологическими гнездами поддерживает их лексические значения, их некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. В фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова. Например: *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п. (ср.: *задеть чувство чести; задеть гордость* и т. п.).

Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых “несвободных” значений слов, выделяются два типа высказываний: аналитические, расчлененные, допускающие подстановку синонимов под от-

дельные члены выражения, и синтетические, близкие к фразеологическому единству.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако сами фразеологические сочетания могут быть омонимами фразеологических единств, или идиом (сращений). Например: *отвести глаза* (от кого-нибудь) – фразеологическое сочетание; *отвести глаза* (кому-нибудь) – фразеологическое единство. Ср.: *Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица; “Александр долго не мог отвести глаз от нее”* (Гончаров, “Обыкновенная история”). Но: *“Г-н Спасович решительно хочет отвести нам глаза”* (Достоевский, “Дневник писателя”, 1876, февраль); *“Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, линючее”* (Гл. Успенский, “Книжка чеков”).

В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое расчленение позволяет уяснить этимологическую природу этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке. Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приводят к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова (“речения”, фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам [9, 12-26].

Дифференциальные признаки фразеологизма

Классификация фразеологических единиц должна быть построена именно таким образом и с такой целью, чтобы показать соотношение общих и дифференциальных признаков всех единиц, составляющих фразеологический фонд

языка и в схематизированной форме представить его общую специфику.

Фразеологические единицы обладают рядом дифференциальных признаков: подвижностью или не подвижностью материального состава, фразеологической связанностью или идиоматической целостностью семантической структуры, различиями по графическому строению, по составу членов, по функциональной сфере и т. п.

Для построения типологической классификации фразеологического фонда важно установить, какие из этих признаков являются ведущими, а какие могут служить лишь в качестве дополнительных данных, обогащающих, но не определяющих аналитическую характеристику фразеологических единиц как таковых.

Ведущим дифференциальными признаками, которые можно было бы положить в основу подразделения фразеологического материала языка на основные типы, могут быть признаны такие, которые:

1) наиболее непосредственно связаны с основной качественной особенностью фразеологических единиц как единиц постоянного контекста;

2) характерны именно для фразеологического фонда, для словарного состава языка и для переменных речевых произведений.

Если даже можно было бы придать грамматической классификации фразеологических единиц последовательный характер и положить в ее основу либо синтаксический, либо лексико-морфологический признак, отнесение той или иной фразеологической единицы к какой-либо из ее рубрик не может быть главным, решающим приемом характеристики этой единицы. Не может быть потому, что, во-первых, он не в состоянии показать возможные подтипы постоянного контекста как такового, т. е. как контекста, а не как синтаксического построения, а во-вторых, он опирается не на противопоставление единиц переменного и постоянного контекста, а на функциональное или структурное уподобление одних другим. Грамматическая характеристика фразеологических единиц не может поэтому служить каркасом общей классификации, дающим основу для дальнейшей внутренней детализации составляющих ее основных рубрик.

Начинать классификацию фразеологических единиц с деления их на “одновершинные” и “двухвершинные” (или “многовершинные”), т. е., следовательно, основывать ее на лексико-морфологических свойствах компонентов, также представляется нецелесообразным, ибо такой

грамматический подход не в состоянии показать те фундаментальные свойства единиц постоянного контекста, которые делают их элементами фразеологического фонда языка и которые могут быть представлены неодинаково в различных единицах.

И синтаксическая, и лексико-морфологическая характеристика фразеологических единиц способны лишь определить структурные модели тех, первоначально переменных, сочетаний слов, которые затем превратились во фразеологические единицы. Поэтому грамматическая характеристика может в известных случаях привлекаться лишь как вспомогательное средство при анализе форм актуализации фразеологических единиц или внутренних причин их неподвижности либо подвижности.

Демотивированность фразеологизмов

Разделение фразеологических единиц на определенные типы по степени мотивированности также не может быть признано перспективной основой их классификации. Отсутствие строгих объективных критериев демотивации, необязательность прямой связи между мотивированностью единицы и выводимостью ее значения из значений компонентов – суть главные обстоятельства, из-за которых опорные пункты подобной классификации остаются в подавляющем большинстве случаев весьма шаткими. Более того, степень мотивированности единиц не вызывает никаких существенных различий в формах их функционирования речи.

Подвижность или неподвижность постоянного контекста зависит, в первую очередь, не от ясности его мотивировки, а от его структурных особенностей. Морфологическое и стилистическое разложение характерно для значительного числа как “сращений”, так и “единств”. Однако многие “единства”, признаваемые “отчетливо мотивированными”, сопротивляются синтаксическим преобразованиям. Иногда это вызывается структурными факторами. Например, единства с глагольным стержнем *to have* не преобразуемы в пассивную конструкцию, потому что для этого глагола вообще не характерна форма пассива, а возможно, и потому, что, как отмечает Ю.Д. Апресян, такие единицы чаще всего выражают “идею состояния”. То же наблюдается относительно “единств” с глагольным стержнем *to hold, to get*, с глагольными “единствами”, содержащими возвратное местоимение, и др. Неподвижные именные “единства” препозитивным субстантивным или причастным определением неспособны к преобразованию также прежде всего вследствие самих особенностей своей

структуры, а не степени мотивированности. По понятным причинам конструктивно ригидными являются единицы, отмеченные той или иной структурной аномалией, даже если она не затемняет их мотивировку (например, *to set foot on...* ‘высадиться, появиться’).

В иных случаях конструктивная связанность контекста не может быть объяснена никакими структурными факторами, но в такой же мере не объяснима она и степенью мотивированности единицы. Например сочетание *to pull one's leg* ‘дурачить’ и *to kick the bucket* ‘умереть’ обычно признаются за “сращение”. Тем не менее, первое из них синтаксически преобразуемо, а второе – нет. Определенно можно утверждать, что единственным лексическим, а не грамматическим препятствием к преобразованию фразеологизмов является наличие в них архаизированного компонента, как, например, в сочетаниях *to dree one's weird* ‘покоряться судьбе’; *to scotch the snake* ‘временно обезвредить’, и т. п.

Казалось бы, демотивированность фразеологической единицы должна была бы препятствовать хотя бы ее экспрессивной буквализации или так называемому “обыгрыванию” в речи. Но, во-первых, поскольку, как мы уже неоднократно упоминали, порог демотивации остается неопределенным, а критерии ее – в значительной мере субъективными, подобное утверждение становится беспредметным; во-вторых, факты вообще его опровергают. Например, в восприятии говорящих, не знакомых с этимологическим объяснением выражения *to sow one's wild oats* ‘перебеситься’ или *the grey mare* ‘жена, которая верховодит в семье’, эти фразеологические единицы являются безусловно демотивированными. Тем не менее, можно встретить случаи их юмористической буквализации. Например:

“you are not under petticoat-government, like poor Sweeting... Not you and I, Moore...you and I will have no grey mares in our stables when we marry”. – “I don't know – I never think about it; if the grey mare is handsome and tractable, why not?”; He settled accounts with the money-lenders, abandoned his crop of wild oats to the harvesting of others and became in his turn a patron; The two made one crop of wild oats, for which he was heartily sorry, and he could not see that those oats which are rooted in another's degradation are of a darker stock...

Вывод из подобных наблюдений может быть двоякий, и в любом случае будет произвольным или предположительным. Факт буквализации можно принять за признак живости опорного образа фразеологических единиц в

восприятии лица, эту буквализацию осуществляющего, т. е. за признак ее субъективной мотивированности. Можно трактовать этот факт и иначе, а именно; как доказательство того, что даже утрата субъективного осмысления мотивировки фразеологической единицы не мешает ее каламбурной обработке. Оба решения равно не доказуемы, равно правдоподобны и равно лишены качества объективного научного вывода. Демотивация фразеологической единицы может быть признана таким ее свойством, которое имеет какие-то объективно наблюдаемые формы языкового проявления, только в тех случаях, когда эта де мотивация обусловлена некротизацией компонентов фразеологической единицы, точнее, идиомы. Таким образом, “сращениями” можно было бы назвать именно единицы с некротическими элементами, тем самым квалифицируя их не столько по линии мотивированности, сколько по линии определенной особенности от лексического состава. Разряд “единств” вобрал бы в себя подавляющее большинство фразеологических единиц, тогда как в разряде “сращений” оказалось бы совсем небольшое их количество.

Контекстологическая квалификация фразеологизмов

Контекстологическая классификация фразеологизмов должна быть средством систематизации результатов анализа фразеологического фонда, проведенного именно с помощью контекстологического метода. Степень же мотивированности единицы постоянного контекста не определяет различий между типами постоянного контекста. Не только “сращения”, но и “единства” обладают целостным значением; следовательно, специфическое отношение между элементами контекста, между указанием и значением, в них типологически одинаково. Наоборот, фразеологически связанным значением одного компонента и, следовательно, четкой определенностью указательного и сематически реализуемого элемента контекста не обладают ни “сращения”, ни “единства”. Поэтому степень демотивированности фразеологических единиц (даже трактуемая указанными выше формальным образом) может в известных (довольно редких) случаях быть вспомогательным средством не столько характеристики типологического различия этих единиц, сколько объяснения возможных форм их использования в речи.

Стилистико-функциональная классификация фразеологических единиц, т. е. деление их на “устойчивые сочетания” и “собственно идиомы”

также может иметь лишь вспомогательное значение, хотя и соответствует определенной языковой реальности. Не подлежит сомнению, что одни фразеологические единицы функционируют в речи как стилистически нейтральные номинативные элементы; другие как эмоционально-экспрессивные средства языка различной стилистической тональности. Однако если мы анализируем фразеологические единицы как единицы постоянного контекста, это деление не может быть исходным, ибо оно не отражает таких имманентных им свойств, которые могли бы быть противопоставлены свойствам переменных словосочетаний. Эти последние также способны иметь прямой и фигуральный смысл; одни из них употребляются в целях стилистической нейтральной номинации, другие – в целях экспрессивной характеристики или эмоционального самовыражения. Поэтому принадлежность фразеологической единицы к той или иной стилистико-функциональной сфере должна играть роль вторичного ее признака, не определяя собой основную рубрику фразеологического фонда.

Есть два признака фразеологических единиц, непосредственно и, казалось бы, в равной мере связанных с сущностью последних как единиц постоянного контекста. Это, во-первых, характер распределения и взаимодействия двух основных элементов образующего их постоянного контекста, во-вторых, степень его подвижности.

Для построения контекстологической классификации фразеологических единиц необходимо определить соотносительную значимость обоих этих признаков, т. е. установить, какой из них является признаком класса, а какой – признаком подкласса (или множества и подмножества).

Можно подумать, что решение этого вопроса зависит от того, что признаем более существенным – отличие фразеологической единицы от слова или от переменного словосочетания. В первом случае для типологии фразеологических единиц следует признать основным признак их подвижности или неподвижности. Во втором случае – более существенным окажется деление их на фраземы и идиомы.

Однако не трудно видеть, что такая постановка вопроса не верна по существу. Фразеологическая единица выявляет свою сущность в одновременном противопоставлении ее и слову (в плане формы и особенностей выражаемой ею семантемы), и переменному сочетанию (в плане структуры контекста и, опять-таки, особенностей семантемы). Оторвать один из этих элемен-

тов двойного противопоставления от другого невозможно, и отдать первенствующую роль одному из них за счет другого – значило бы допустить произвольность решения.

Вопрос следует поставить иначе: что важнее для контекстологической квалификации фразеологической единицы – внутренние контекстуальные связи ее или формы ее употребления в речи? На это легко ответить, выдвинув встречный вопрос: что делает сочетание слов фразеологической единицей – специфика его внутренних контекстуальных связей или формальная неизменяемость? Несомненно, первое, ибо ни морфологическое разложение, ни лексической расщепление, ни синтаксическое преобразование тех единиц, которые допускают эти формальные модификации, не разрушают их сущности как единиц постоянного контекста. Следовательно, основным внутренним делением фразеологического фонда является деление на два основных класса – класс фразем и класс идиом.

Два основных класса фразеологических единиц с их подклассами составляют, строго говоря, единственно существенное содержание их контекстологической классификации. Определение места той или иной единицы в этой классификации обеспечивает выявление ее особенностей как единицы постоянного контекста. Поэтому такое определение является относительно любой единицы и применительно к любому аспекту ее анализа.

Рецензент – В.Б. Кашкин

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова З.Н. Основы фразеологии/З.Н. Анисимова. – Издательство Ленинградского Университета, 1963. – С. 181-192.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XII-XIII вв./В.В. Виноградов. – Мю, 2002. – С. 33-46.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – С. 55-71.
4. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии/М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1989. – С. 63-68.
5. Кульман Н.К. Курс фразеологии/Н.К. Кульман. – М.: Высшая школа, 1996. – С. 57-62.
6. Ларин Б.А. Лексикология английского языка/Б.А. Ларин. – Издательство МГУ, 1998. – С. 211-223.
7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Сло-

варь/А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М., 1997. – С. 24-29.

8. Потебня А.А. Язык и речь. К современной фразеологии языка/А.А. Потебня. – М., 1998. – С. 81-90.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/В.Н. Телия. – М., 1996. – С. 40-54.

10. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры/В.Н. Телия. – М., 1999. – С. 66-71.

11. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке/В.Н. Телия. – М., 1981. – С. 12-26.

12. Шахматов А.А. Грамматическое учение о слове/А.А. Шахматов. – М., 2001. – С. 8-19..